

М.В. Бабиц (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 1730-х ГОДОВ: ВОКРУГ КОМИССАРИАТА

ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ 1730-х гг. переустройством 26 января 1736 г. Военной коллегии на основе более полной, чем прежде, централизации управления армией¹ – факт бесспорный и в то же время не коррелирующий с каким-либо масштабным историческим событием. Возможно, поэтому и вся предпринятая тогда акция, в отличие от преобразований Воинской комиссии 1730 г., пристального внимания долго не привлекала.

Процесс ее подготовки впервые исследовал Н.Н. Петрухинцев, заключив, что ее главной административной составляющей была реорганизация Генерального Кригс-комиссариата (далее: ГKK) как органа снабжения вооруженных сил. Толчком к ней стал конфликт последнего с президентом Военной коллегии гр. Б.-Х. Минихом по поводу проверки эффективности олицетворяемых фельдмаршалом нововведений 1731–1732 гг., в том числе соединения 28 октября 1731 г. подначальных коллегии Кригс-комиссариата, Провиантской канцелярии, Казначейской и Мундирной контор «в одно кригс-комиссариатское правление», подведомственное Сенату². В ходе дискуссии о целесообразности перераспределения обязанностей перечисленных учреждений (так или иначе распоряжавшихся армейскими расходами. – М. Б.), которая шла на фоне обострения случившимся голодом проблем налогообложения, снова был поднят вопрос о подушном сборе – базовом источнике содержания войск. Окончательная – после неудачной попытки 1727–1730 гг. – передача его взыскания из рук существующих на его средства полков властям «губерний и провинций» предусматривалась тем же вы-

сочайше утвержденным 26 января 1736 г. докладом Сената, который внедрял в Военную коллегию «департаментский» принцип, уже опробованный в Адмиралтейской. Так что образование там «типичной для 1730-х гг. централизованной административной структуры с разделением функций по отраслям» предстало тесно связанным со всей податной политикой периода и в конечном счете обусловленным ею³.

В целом соглашаясь с автором, сомневаешься сначала только в жесткой зависимости статуса и полномочий ведомства материального обеспечения, которое тогда называли комиссариатским, а затем интендантским, от способов получения потребляемых денег. Сложившийся до появления подушной подати – в 1700–1711 гг., при создании регулярной армии, – Кригс-комиссариат и под эгиду Военной коллегии попадет совсем не с первых ее дней⁴. Так же не вдруг становясь «повинен» в «мундирных покупках и подрядах и жалованье», он получит в свою «дирекцию» подушный сбор «весь» 28 октября (12 ноября) 1731 г. вместе с провиантскими «делами». Фактически же обретенное им одновременно иерархическое равенство относительно Коллегии будет законодательно зафиксировано лишь 7 мая 1733 г. И, напротив, сохранение прежнего порядка пополнения бюджета не помешает следующей перетасовке прерогатив военного аппарата 25 января 1742 г. с восстановлением утраченной в 1736 г. самостоятельности Комиссариата⁵.

Обращаясь же к выявленным Н.Н. Петрухинцевым и сопряженным с ними материалам, замечаешь, помимо указанного в монографии неучастия в реконструкции Военной коллегии ее президента, и другие трудно объяснимые в русле изложенного обстоятельства. Например, что нападки на ГKK начинаются осенью 1732 г., когда о неэффективности менее года как установленного управления говорить было явно рано, и не сворачиваются после его упразднения, переадресовываясь открытым в качестве альтернативы преемникам⁶.

Сразу подчеркнем, что оговоренное обращение было вызвано не собственным интересом автора настоящей статьи к последнему этапу «миниховской» реформы, а воссозданием истории до сих пор практически неизвестной Комиссии следствия о приеме ГKK негодных мундирных и амуниционных вещей, как будто отсылавшей к этой реформе одним своим названием. Поэтому и на-

блюдения, сделанные здесь сквозь призму рассмотрения источников сперва исключительно на предмет ее (комиссии) гипотетической причастности к судьбе ГKK в середине 1730-х гг., на полноценную концепцию не претендуют. Однако и они могут быть любопытны, освещая оперирование армейскими вещевыми ресурсами в несколько неожиданном ракурсе.

Так, учреждение Комиссии повелением кабинет-министров (гр. А.И. Остермана и кн. М.Я. Черкасского) и ее продолжение (по крайней мере номинально) более трех лет с привлечением свыше десяти «коллежских и канцелярских членов», включая бывшего члена Воинской комиссии 1730 г., ныне служащего отделения Военной коллегии в старой столице В.С. Борзово (с 10 февраля по 3 ноября 1735 г.) и бывшего главного директора ГKK В.Я. Новосильцева (с 26 февраля по 24 августа 1736 г.)⁷, производит впечатление мощного органа, который играл – или должен был играть – значимую для правительства роль.

В действительности подтверждается только то, что Кабинет министров 27 мая 1734 г. «объявил» Военной коллегии о приемах ГKK «вещей... весьма плоше образцов». «Объявлялось» ли это по причине естественной для высшего учреждения империи поддержки заданных в 1731 г. стандартов заготовки обмундирования или конкретного курса на дискредитацию ГKK, во всяком случае не справлявшегося со своими финансовыми «ведомостями», из документов не видно. Но оно несомненно повлекло за собой «свидетельство» амуниции, привезенной в июне 1734 г. для Ингерманландского пехотного и «прочих обретающихся при Остзее полков». Коллегия дала это поручение опытному в различных «комиссиях» подполковнику Петербургского гарнизона Ф.В. Норову и в октябре отослала забракованное им обратно, а письменный отчет о принятых мерах в Сенат⁸. Тот 7 января 1735 г. определил «исследовать» о «вине» ГKK в Москве, где он располагался, своей Конторе с участием, по законодательным предписаниям 1723 г., «депутатов Военной коллегии» (которую и представил В.С. Борзово) «в месяц», но даже указы об этом были отправлены только 16 и 18 января⁹.

Московская Сенатская контора, в свою очередь, постановила производить «дело» в подконтрольной ей комиссии, на организацию чего тоже ушло немало недель. Возглавляемая генералом гр. С.А. Салтыковым, который принадлежал к способнейшим

деятелям правления Анны Иоанновны, она в середине 1730-х гг. работала едва ли не интенсивнее самого Сената и могла бы «поступать» оперативнее. Но, скорее всего, прочла между строк распоряжения выяснить, «для чего» ГKK «отпустил помянутые вещи не против образцов», не политический интерес, а лишь потребность в подборе обоснований заранее предreshенного приговора о «штрафовании комиссариатских членов, також отдатчиков и приемщиков». И не ошиблась – спросить, «что учинено» в Петербурге, сообразовали не через месяц после инцидента, а через целых девятнадцать после утверждения «мнения» Комиссии московскими сенаторами.

Соответственно, и развитие следствия (получившего не «кабинетский», а «сенатский» ранг) подчинилось логике не государственного заказа, а рутинной бюрократической дисциплины. За недостатком в Москве высокопоставленных чиновников со свободными от заседаний в других присутственных местах часами его в марте возложили на Комиссию о Сибирском приказе, которая с 1732 г. занималась махинациями с «китайскими товарами», а потом злоупотреблениями сибирских воевод и жалобами на обер-полицмейстера Н.А. Оболдуева. Но пополнить ее авторитетными членами и с их помощью наладить анализ военно-хозяйственной документации и необходимые допросы так и не удалось. К ним приступили уже в оформившейся к середине июня 1735 г. отдельной «Комиссии мундирных и амуничных вещей» в составе присутствующего в Сыскном приказе бригадира А.Г. Киселева как председательствующего, упомянутого выше статского советника В.С. Борзово и коллежского советника из Юстиц-конторы кн. М.И. Шаховского.

Они довольно быстро вникли в хитросплетения «реестров», которые сейчас подавляют множеством фамилий, цифр, дат, «сорт»», цен и обозначений элементов солдатского и драгунского снаряжения. А также в переписку ГKK и словесные и письменные доводы «надзиравших» мундирные и амуничные магазины подполковника [А.И.] Замыцкого и полковника С.[В.] Чебышева и состоявших у «свидетельства, приема и отпуска» майора Д.А. Наумова и капитанов Д.[М.] Хоненева и кн. Ф.[С.] Козловского. И сумели к 29 сентября 1735 г.¹⁰ довести до вышестоящей инстанции чрезвычайно подробную информацию о происшедшем, которая рисует весьма отличную от привычных образов картину.

Правда, сводка по итогам разбора под руководством Ф.В. Норова на первый взгляд укладывается в стереотипы о присущем всякому интендантству сочетанию воровства, халатности и дефицита. Из 2000 гренадерских перевязей негодными были признаны 1560, из 3000 перевязей патронных – 1397, а из 2000 лядуночных ремней – 1545¹¹. Лучше выглядят портупей (2694 из 10 000), гренадерские суммы (252 из 2000) и гренадерские лядунки (152 из 2450), еще лучше – патронные суммы (80 из 3000) и смазные жестянки к гренадерским лядункам (12 из 2450). И, наконец, к 100 барабанным перевязям с пряжками и медными наконечниками претензий не было вовсе.

Однако при углублении в роспись поименованных Ф.В. Норовым «неспособностей» оказывается, что среди возвращенных в ГKK «вещей» негодных в прямом смысле слова было много меньше. А конкретно, кожаных изделий «ломких», «с пятнами и свищами и рябинами», «с мягкими концами», «помоченных» и «от помочки гнилых» вместе со «сломанными» жестянками около 1100 из 27 000 предметов. Остальные были отбракованы как не совпавшие с «образцами», которым должны были следовать, с одной стороны, фабриканты и подрядчики, а с другой – попеременно назначаемые к магазинам и к получению выдаваемого отсюда в полки полевые и гарнизонные обер- и унтер-офицеры и другие военнослужащие (до полковых командиров, следящих за исправностью всей материальной части).

Из «доказательств» же, предъявленных в Комиссию последственными, которые по указу ГKK «обще» с обер-фискалом П. Анисимовым и крупнейшим поставщиком амуниции А. Гребенщиковым произвели вторичный разбор прибывших из Петербурга «тюков», очевидно, что и сами «образцы», несмотря на тройное «запечатывание» их (в Военной коллегии, Сенате и ГKK), существенно отличались друг от друга. И не только «добротой», поневоле определяемой на глаз и на ощупь, но и, в зависимости от времени их одобрения и рассылки, параметрами длины и ширины. В какой-то степени обнаруженное урезание перевязей и ремней (на вершок / «три пальца») шло и оттого, что их проверяли по новейшим, 1733 г., меркам, а брались они из «примов» прошлых лет, по «пробам» 1729, 1724 и даже 1715 гг.

Этот вопрос пытался ставить Д.А. Наумов, но следователи оставили его без «справок», внимание уделив другому показа-

нию обвиняемых. Из допросов Д.А. Наумова и магазин-вахтера М. Соколова, непосредственно закрывавших «наряд» командированному из «Остзеи» капитану Я.М. Ледицкому, выходило, будто он по собственной инициативе взял в счет выписанных 2000 ремней к пехотным лядункам 1545 заведомо укороченных драгунских – про которые, прикинув «вокруг себя», сказал, что «годятся». Осудив Я.М. Ледицкого заочно по тем же «пунктам», что и прочих, ссылки «отдатчиков» на его самоволие Комиссия справедливо квалифицировала как пустые отговорки: хорошо осведомленные об отсутствии заказанного в Петербурге числа лядуночных пехотных ремней, они не должны были, якобы «покладаясь» на капитанскую подпись в своей шнуrowой книге, расписываться за них как за «против образцов сходные».

Кроме же подобных подписей – вопреки нормативам «свидетельства» всякой «вещи» при ее приеме / отпуске в магазин / из магазина и при ротации направляемых туда раз в два года лиц «порознь», а не, «за множеством», выборочно – упрекнуть временно подчиненный ГKK воинский контингент было не в чем. Буквально исполнять «по регламентам» он, разумеется, в реальной жизни не мог, но прекрасно знал, что будет наказан при документальной фиксации любого их нарушения. Отсюда и своего рода авторевизия потенциальными ответчиками-офицерами оборота всего хранимого в 1733–1734 гг. в Москве под их «дирекцией», от дорогого импортного сукна до рогож и «простых веревок». Ведь это им (магазин-вахтерам из унтер- грозили только шпицрутены) предстояло – предположительно, «по пропорции вин» каждого – заплатить в Канцелярию конфискации за «негодное» (пусть купцы и заменяли его на «доброе» бесплатно) 1545 р. с 39 и $\frac{1}{8}$ к.

Вычислив эту сумму по «подрядным ценам», которые выставляли по «спущенному» из Сенатской конторы перечню Ф.В. Норова, Комиссия не желала или не смела снижать ее с учетом внутрикомиссариатского расследования об испорченности или «несхожести» ни с какими «образцами» (неведомо как и почему) около 2 (а не 8) тыс. штук разных наименований. Штраф же (плюс расходы на перевозку «тюков» из столицы в столицу) решила расположить на всех вышеназванных офицеров «по пропорции» жалованья, а не персональных «вин», которых просто не нашлось.

Ни должностных хищений и бытовых краж, ни подложных подрядов и уклонения промышленников от компенсации брака, ни протекших чьим-то «несмотрением» крыш и т. д. Что казалось бы невероятным, если бы не кровная заинтересованность магазинной «братии» оправдать себя прегрешениями других. Из которых припомнили лишь пьянство вахтера Н. Бунина, «усмотренное» 14 февраля 1734 г. при приеме «плоше образцов» нескольких гренадерских сум седельного подряда С. Григорьева, после чего была перепроверена вся их партия.

Минимальная строгость подготовленного Комиссией проекта приговора (с наложением в том числе на членов ГKK вычета двухнедельного жалования) соответствовала удостоверенной следствием достаточности армейского вещевого довольствия в Москве – центре его сбора и распределения в мирное время. То же можно сказать о позиции Сенатской канцелярии, которую скромность обещаемой штрафованием казенной выгоды не побуждала торопить Петербург с завершением «дела», до окончания которого, кстати, можно было еще и употреблять укомплектованный под него и проявивший профессионализм комиссиональный персонал для других трудоемких «производств». Сначала о подрядах, найденных самим ГKK «непорядочными», а с февраля 1736 г. – о группе откупщиков, следствие о которых было начато в Комиссии о московских питейных компанейщиках и выделено в отдельное направление как относящееся к Мытенной таможне¹².

Но с этими далекими от исходного «делами» диссонирует назначение туда 26 февраля 1736 г. В.Я. Новосильцева. Не чета заменившим «отбывших» А.Г. Киселева, В.С. Борзово и М.И. Шаховского коллежским советникам А.Т. Кологривову и И.С. Анненкову, коллежскому асессору кн. Г.Я. Вяземскому и майору И.Г. Зубову, он безусловно входил в правительственную элиту и не только возглавлял ГKK до его реформирования, но и активно способствовал таковому. К сожалению, его пребывание в Комиссии в изученных документах отражено лишь по линии жалования за ее «отправление»¹³. И все равно в этом непроясненном до конца обстоятельстве нельзя не видеть некой взаимосвязи между участием ГKK и Комиссией о нем если не на первой, то на последней стадии ее существования. На нее же намекает и запрос Кабинета в Сенат от 29 марта 1737 г. о «бывшем» при его

конторе следствии, снабженный сентенцией о «великих убытках казне» и «солдатам несносных обидах» от «таких негодных вещей»¹⁴.

Сенат, конечно, был в курсе вынесенного в том же заседании вердикта взыскать «на комиссариатских членах» за присланные в 1735 г. в «команду» Б.-Х. Миниха мундиры, которые «по доброте сукна и в гарнизонных полках быть не весьма способны», и предсказуемо отреагировал на настроение министров. Не отступая по существу от «мнения» Комиссии, он 31 мая ужесточил намеченные ей санкции к присутствовавшим в 1734 г. в ГКК распространением на них присужденного виновным офицерам штрафа. В сокращенной версии «ведения» в Кабинет от 13 (26) июня этот сенатский приговор опробуется там 1 июля и 18 июля «слушается» в Московской конторе, которая закрывает производство по нему 23 июля, Комиссии уже не упоминая¹⁵.

Проволочки с завершением «дела», не слишком весомого с точки зрения «интереса е. и. в.» и к тому же давно и детально раскрытого, ликвидация созданной ради него Комиссии до такого завершения и нарекания на уже смещенных со своих постов «комиссариатских членов»¹⁶ указывают на как правило не свойственные «верхам» колебания. А воскрешение риторики начала царствования в духе монаршего попечения о мундире и амуниции, в которых «солдаты особливо обижены бывают»¹⁷, в отсутствие данных для других предположений, хочется трактовать как косвенное признание неудачи хозяйственных устроений Военской комиссии 1730 г. – формообразующего компонента инициированной ей реформы.

В такую трактовку – присущую и концепции Н.Н. Петрухинцева – перехода к заявленной 21 января 1736 г. структуре Военной коллегии укладывается и положительная оценка последнего автором добросовестного очерка о предшественниках Главного интендантского управления 1860-х гг. Видя в нем прообраз светлого «министерского» будущего, Ф.П. Шелехов писал о его кратком воплощении в жизнь как о своевременной реакции на «во всех потребных вещах крайнюю нужду», очерченную в указе, который знал по развернутой цитате С.М. Соловьева¹⁸. Действительно, спровоцированное донесением фельдмаршала П.П. Ласси «величайшее неудовольствие» императрицы, напомнившей В.Я. Новосильцеву о прежних «жестоких указах» поп-

равить «великие недостатки» в полках, что поныне не исполнены одной «оплошностью» ГКК, является ярчайшей чертой приведенного обоими историками текста.

Тем не менее при всей убедительности его звучания даже С.М. Соловьев¹⁹ не обратил внимания, что, во-первых, он был подписан 10 июля 1736 г., полугодом позже лишения ГКК ключевых властных атрибутов, хотя «бывшие члены» и оставались на своих местах до «отфундования» новообразованных коллежских контор²⁰. Что и могло иметься в виду при командировке В.Я. Новосильцева в Москву на правах главы Комиссии о «негодных вещах», но на самом деле для ускоренного обеспечения вместе с «будущими при нем членами» армии вещами «годными»²¹.

И, во-вторых, что речь там идет о жалобах фельдмаршала на бедствия не столько солдат «при Азовской экспедиции», сколько присланных туда рекрут, об удовольствовании которых «сполна» в середине июня отчитался размещавшийся со своей «командой» в Воронеже лейб-гвардии майор И.П. Шипов²². Других же сведений о катастрофическом положении с одеждой, обувью и тому подобным ни в текущей, ни в прочих (плотно контролируемых Кабинетом) кампаниях русско-турецкой войны 1735–1739 гг., ни до ее начала (когда «слабостью» ГКК занимался Сенат) не встречается. Разве фразеологически близкий к июньскому донесению январский 1733 г. рапорт того же П.П. Ласси по его «Лифляндской команде», который Б.-Х. Миних, оправдываясь в мае перед сенаторами за запоздалое уведомление о нем, аттестовал как единственный из всех «команд» и неоправданность которого позже откликнулась излишеством сосредоточенного в Риге снаряжения²³.

Непрерывно повторяющейся в указах, касавшихся ГКК, теме солдатской нужды из-за его «безнадежности» в пресечении таковой противоречит и касавшийся не его указ от 24 сентября 1736 г. Им провозглашалось проведение по вступлении армии на зимние квартиры всеобщего смотра, учрежденного в 1731 г. как постоянная функция «инспекторов», после первого опыта (1732 г.) «отправленных к другим делам», «отчего... непорядки произошли». Сюжет регулярных смотров, тоже относимый к кардинальным нововведениям Воинской комиссии, для настоящих рассуждений примечателен тем, что воскрешение института

инспекторов (хотя бы на началах привлечения иных должностных лиц) и здесь аргументировалось «вещами». Только не их нехваткой, а заготовкой «во многих полках» впрок – путем затребования до истечения «штатных» сроков, двойного и даже тройного получения из московских и губернских магазинов и неотдачи по принадлежности «переменных» ружья и амуниции²⁴.

В отложившихся же в Сенате материалах обсуждения там, в Военной коллегии и Кабинете министров способов, по терминологии поздней осени 1735 г., «исправления как военных, так и комиссариатских дел сообщением ГKK с Военной коллегией»²⁵ вещевое довольствие вообще фигурирует лишь в аспекте возможного негативного воздействия на него перевода ГKK из Москвы в Петербург. И, более того, Военная коллегия, выдвинув эту идею в марте 1733 г. под предлогом тщетности иначе забот об исправных поставках, с лета того же года поставок не критиковала, а к декабрю 1735 г. склонилась к отказу от своей позиции, отчасти восприняв доводы заблокировавшего передислокацию в июне 1733 г. Сената²⁶.

Приводя свидетельства в пользу благополучия названной сферы, нельзя обойти трудности с амуничными подрядами в 1733 г. из-за расхождения бытовавших цен с ценами, заложенными в «новый стат», и неспособности отечественной промышленности даже при их повышении следовать «образцам», изготовленным для Воинской комиссии как опытные и к тому же с применением прусского сырья. Они и породили вскрытый Н.Н. Петрухинцевым конфликт ГKK с Б.-Х. Минихом, обрушившимся на его членов и персонально на К.В. Макарова, который был ее оберсекретарем и без пренебрежения которого ее рекомендациями якобы не случилось бы никаких сбоев.

Их преодоление к сентябрю – октябрю 1733 г. совместными усилиями сторон, достигших согласия на почве разработки более адекватных «образцов», не обошлось без жесткого вмешательства Сената²⁷. Но такое вмешательство, вытекая из его обязанностей координировать отраслевую деятельность центральных органов государственного аппарата, не отрицает того, что собственно снабжение, в начале 1730-х гг. урегулированное вполне удачно, в изучаемый период утратило недавнюю остроту. Тогда как мундирно-амуничный мотив, на протяжении предшествующего десятилетия прочно ассоциируемый в общественном

сознании с армейскими «непорядками», превратился из проблемы военного управления в идеологический прием.

Прием, который сообразно политической конъюнктуре использовался для давления на чиновников и военных разных рангов вплоть до высших, а также сыграл свою роль в сведении актуальных вызовов эпохи к органическим порокам ГKK. Вклад в возложение на него ответственности за констатированное им недополучение положенных вооруженным силам доходов уже потому, что он ими «ведал», внесла, полагаем, и его определенная теоретическая неустойчивость. Возникший как неременный элемент европейского «регулярства», Комиссариат в России не стал распорядителем и контролером материальных средств или судьей и командиром с министерскими чертами, какими в той или иной степени были, согласно П.О. Бобровскому, его прототипы в Дании, Пруссии, Священной Римской империи или Франции²⁸. Но сохранение в законодательстве отдельных положений западных уставов вместе с уникальным титулованием его первого руководителя кн. Я.Ф. Долгорукого генерал-пленипотенциар-кригс-комиссаром способствовало циркулированию в умах политиков второй четверти XVIII в. смутных представлений о некоем идеальном петровском институте, цели которого и характер взаимоотношений с Военной коллегией понимались неоднозначно.

Перевод ГKK в 1731 г. в «особливую дирекцию» Сената состоялся, вероятно, не без влияния инерции недавней борьбы противников кн. А.Д. Меншикова с его неограниченным доступом к комиссариатской казне²⁹, хотя стимулировавшее этот перевод расширение компетенции Воинская комиссия обосновывала упорядочением текущих расходов. Ратуя за главенство Коллегии над ГKK, Б.-Х. Миних в 1733 г. утверждал, что ранее исходил из пребывания обоих в одной столице, когда коллежский президент мог «смотреть» за всеми «воинскими делами по указам Петра Великого». Сенат, наоборот, в 1731 г. возражая против умножения комиссариатских задач, в 1733 г. уже не считал их чрезмерными ввиду перенесения центра тяжести «исправлений мундирных и амуниционных вещей» в полки. Члены же ГKK так и не признали составление «ведомостей» по подушному сбору своим «настоящим делом», пока В.Я. Новосильцев настаивал на возрождении Провиантской канцелярии, какой она была в 1724 г.³⁰

Все соглашались лишь в полезности «исправления» ГKK в плане «снабжения» его дополнительными присутствующими и особенно канцелярскими служителями, на что правящие круги, обычно ориентировавшиеся на сокращение штатов, были – в заменивших его «конторах» Военной коллегии – вынуждены пойти. Параллельно уничтожив на какое-то время само имя ГKK, что было логично с позиций длившейся три с половиной года кампании высочайших выговоров, взятий под караул по месту службы и штрафов тех, кто еще в сентябре 1732 г. принес правительству дурную весть о крахе надежд на укрепление финансовой базы содержания армии.

В том, что институализация подушного сбора при губернаторах и воеводах в лице постоянно причисленных к ним отставных офицеров являлась главной среди мер под лозунгом устранения «непорядка... в Комиссариате», которые таким образом стали-таки вехой внутренней политики 1730-х гг., Н.Н. Петрухинцев безоговорочно прав. Но с соображениями о сущностной взаимосвязи этой институализации с реформированием военного управления можно и должно спорить. Из изложенного в настоящей статье, в частности, следует, что означенное в акте от 26 января 1736 г. первыми тремя «статьями» это реформирование³¹ не проистекало из необходимости срочного улучшения снабжения, однотипные словесные выпады против которого – Б.-Х. Миниха ли, сенаторов или «министров» – всякий раз преследовали конкретные тактические установки. А описание (точнее, перечисление) учреждаемых контор Коллегии, из которых «сбор подушный и что до него касается» был в Генерал-кригс-комиссариатской, ничего не меняло в «дирекции» над последним комиссариатских членов, которая и в Инструкции ГKK от 12 декабря 1731 г. формулировалась крайне расплывчато³². На практике же состояла преимущественно в том, чтобы добиваться от взыскивающих и доставляющих деньги в Москву всесторонней отчетности и обрабатывать ее, при этом своевременно направляя полученные суммы на «указные расходы».

Конечно, уже список «Контор» в совокупности с предпосланным ему перечнем «дел», «отправляемых» Коллегией вне их системы, предстает перед вдумчивым читателем «Полного собрания законов» и опирающимся на опыт строительства отраслевой центральной администрации, и развивающим его³³. Погру-

жение в контекст их выработки позволяет подчеркнуть и другие достоинства авторского коллектива, лидером которого Н.Н. Петрухинцев резонно называет А.И. Остермана. Прежде всего это ценное для стабильности умение успокоить страсти вокруг ГKK, возбужденные как всегда пугавшими аннинских сановников новыми финансовыми дырами, так и ожиданием кадровых перемен, кого-то затрагивавших лично.

Учтя и стремление Военной коллегии к приоритету, и пожелания ГKK о разведении его функций, законодатели и преодолевали противоречащее самому определению Коллегии закрепление за ГKK более крупного комплекса «касающихся до сухопутной армии дел», и официально уточняли функции, приобретенные Коллегией в 1720-е – первой половине 1730-х гг., гарантировав к тому же ее расширенное пополнение. А изданным 16 октября 1736 г. указом о правах членов Московской Военной конторы разрешалась дилемма невозможности руководить из Петербурга сходящимися в Москве денежными и вещевыми потоками при неотступной потребности столичных «верхов» в оперативных данных о них³⁴.

Не прослеживаются же в законоположениях 1736 г. по военному управлению именно попытки вмешательства в существующие армейские порядки. С известной натяжкой к ним можно, вслед за Н.Н. Петрухинцевым, отнести возвращение в строй ежегодно отвлекавшихся, по его подсчетам, к подушному сбору 294 офицеров и 4257 рядовых³⁵. Но не забудем, что эта выгода, предложенная сделавшим, главным образом, статскую карьеру В.Я. Новосильцевым, вызвала в Военной коллегии не одобрение, а опасения ростом недоимок по примеру 1727–1731 гг.³⁶ Коллежский же президент, не смущаясь разгаром войны, в марте 1736 г. вообще намеревался распределить целую группу полевых штаб-офицеров по фабрикам ради повышения качества их продукции³⁷.

И если занятость главнокомандующего не препятствовала сочинению проекта об улучшениях в промышленности, почему она препятствовала исполнению резолюции «поставя на мере, взнестъ» уже сочиненные «коллежский регламент и конторные инструкции», которые оставались проектами еще в августе 1740 г.³⁸? Не потому ли, что ни Б.-Х. Миних, ни «раскомандированные в разные посылки члены» не увидели в них – а без их об-

ращения в закон и акты 1736 г. являлись более декларацией, нежели побуждением к действию – ничего для себя важного? Тем паче при четко просматривающемся в опубликованных «бумагах Кабинета» удовлетворении всех потребностей воюющей армии в традиционном для петровских времен режиме так называемого ручного управления? (При опоре на Военную коллегию в той же степени, как и на во всем уступающие ей Походный комиссариат, многочисленные комиссии и просто доверенных лиц).

Разумеется, умозрительные рассуждения стоят немного, а изучение ряда архивных «книг по Военной коллегии и ГКК» за 1732–1737 гг. не заменяет исследования военного управления периода, предпринимавшегося учеными лишь фрагментарно. И все же сопоставление извлеченных из названных источников сведений с известным по литературе о начатой в 1730 г. реформе настойчиво подводит к выводу, что к 1736 г. она исчерпала свой преобразовательный потенциал. Или, скорее, он был переведен из практической плоскости достраивания военной машины Петра в плоскость идеологическую, когда все направляется на конструирование некоей модели, обреченной остаться на бумаге, но парадоксальным образом не менее значимой для верховной власти, чем реальное «состояние» ее империи.

¹ С введением в ее структуру подчиненных присутствию контор (Кригс-Комиссариатской, Цалмейстерской, Провиантской, Мундирной, Счетной, Фортификационной), директорам которых вместе с руководителем Артиллерийской канцелярии присваивался статус членов коллегии – см.: ПСЗ. Т. 9. № 6872.

² ПСЗ. Т. 43, ч. 1. № 5836; Т. 8. № 5904.

³ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 гг. СПб., 2001. С. 171–179.

⁴ Когда точно, до сих пор не установлено. В 1730-е гг. отчет его пребывания «под ведением» Военной коллегии вели с 1723 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 525), ссылаясь на именной указ от 28 февраля с глухим упоминанием такового (ПСЗ. Т. 7. № 4257).

⁵ ПСЗ. Т. 43, ч. 1. № 5836, § 44; Т. 8. № 5876; Т. 9. № 6391, § 4; Т. 11. № 8508.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 224–225, 832–832 об. и др.; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. А.Н.Филипповым. Юрьев, 1904. Т. 6. С. 564 (Сб. РИО. Т. 117). Далее: Бумаги Кабинета. Сб. РИО.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1152. Л. 649; Кн. 7533. Л. 58 об.; Кн. 7734. Л. 324 об.; Кн. 2168. Л. 89.

⁸ Там же. Кн. 7756. Л. 546, 547 об., 548 об., 575.

⁹ Там же. Кн. 1152. Л. 649; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 406.

¹⁰ Дата слушания в Сенатской канторе ее «мнения» и «экстракта», на которых обозначен лишь месяц и которые подлежали еще утверждению в Сенате – см.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 7750. Л. 545–587 об. Далее ссылки на эти материалы при изложении хроники деятельности Комиссии опущены.

¹¹ Подсчет мой. Нужно также учитывать, что показатели многократно переписанных «справок» об одном и том же разных лиц иногда незначительно расходятся.

¹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 7755. Л. 56–60; Кн. 835. Л. 230–242 об.; Кн. 7539. Л. 467–467 об.

¹³ По 24 августа 1736 г.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 2168. Л. 89. Позднее этой даты упоминаний Комиссии как действующей пока не обнаружено.

¹⁴ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 180.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 7794. Л. 84–88; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 407.

¹⁶ Без роковых для них последствий: В.Я. Новосильцев скоро возвращается в Сенат и получает новые высокие назначения, генерал-провинтмейстер Ф.А. Полибин, обер-штер-кригс-комиссар Г.С. Наумов и обер-кригс-комиссар Г. Кисловский продолжают служить «по специальности» в других центральных институтах и даже исчезнувший в 1736 г. с административного горизонта обер-кригс-комиссар К.В. Макаров в 1740 г. отставляется с «награждением ранга». Не установлена дальнейшая судьба генерал-кригс-комиссара М.А. Сухотина, но «опалам и ссылкам» определенно не подвергался и он.

¹⁷ ПСЗ. Т. 8. № 5571.

¹⁸ Шелехов Ф.П. Главное интендантское управление: Исторический очерк. Ч. 1: Введение и царствование императора Александра I. СПб., 1903. С. 44–45 (Столетие Венного министерства, 1802–1902 / Под ред. Д.А. Скалона. Вып. 12); Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 20. С. 464 (Сочинения, кн. 10).

¹⁹ Знакомый с цитируемым документом по архивной подборке – см.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1116. Л. 127.

²⁰ Там же. Л. 141–141 об., 128, 134–134 об.

²¹ Там же. Кн. 493. Л. 525–525 об. Рапорты В.Я. Новосильцева об этом см.: Там же. Л. 118–118 об. и др.

²² Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 302.

²³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 372–378 об., 936–939 об.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 108. С. 119.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 805–805 об.

²⁵ Там же. Кн. 494. Л. 295 и др.

²⁶ Там же. Кн. 493. Л. 371, 491, 556–558 об., 936–939 об.; Кн. 494. Л. 317–317 об.; ПСЗ. Т. 9. № 6441.

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 509–512 об., 582, 589, 638–646, 670–718, 778–781 об.; Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 168–169.

²⁸ Бобровский П.О. Военное право при Петре Великом. Ч. 2, вып. 2: Артикул воинский (с объяснениями преобразований в военном устройстве и военном хозяйстве по русским и иностранным источникам). М., 1886. С. 329–331, 348–349, 398–399, 408–411, 420–424 и др.

²⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд-е 1. Кн. 29. Л. 450–450 об.; Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 / Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1887. Т. 2. С. 534 (Сб. РИО. Т. 56); То же. Сб. РИО. Т. 63. С. 26, 113, 241.

³⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 528–528 об.; 586–586 об.; 492 об.–493; Кн. 494. Л. 45–45 об.

³¹ Новый порядок взыскания подушной характеризуется в статьях 4–8: ПСЗ. Т. 9. № 6872.

³² «Чинить в такой силе, как коллегиям по регламентам постановлено»: ПСЗ. Т. 8. № 5904.

³³ См., напр.: Данилов Н.А. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб., 1902. С. 27–32 (Столетие Венного министерства, 1802–1902 / Под ред. Д.А.Скалона, вып. 1).

³⁴ О других предложениях, выдвигавшихся на стадии его подготовки см.: Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 174–178.

³⁵ Там же. С. 175.

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 42–43 об., 45–46.

³⁷ Там же. Л. 793 об.–794.

³⁸ Там же. Л. 858–862.